Чеханков Ф.

16.11.93

Гость «ВК» Веч. клуб. – 1993. – 16 нояб. – С. 7.

Афиша Центрального концертного зала «Россия» приглашает 18 ноября на бенефис народного артиста России Федора Чеханкова — «Давай пожмем друг другу руки!» В этот вечер на сцене с бенефициантом будут его друзья: Екатерина Максимова, Владимир Васильев, Людмила Гурченко, Лилия Амарфий, Лариса Голубкина, Геннадий Хазанов...

...Мы стоим с Федей у афиши и вспоминаем город Орел, драмтеатр 50-х годов, премьеру спектакля «Давным-давно», где мы вместе участвовали в массовых сценах. Вспоминаем Федину маму, красавицу Валю Чеханкову, актрису Орловского драмтеатра имени Тургенева. Мы с Федей знакомы, как говорится, сто лет.

Федор ЧЕХАНКОВ:

"Зельдин отказался от роли в "Учителе танцев", чтобы ее смог сыграть я"

— Ну-ка, Федор, а самую первую свою роль ты помнишь?

— Самую первую — увы. Я ведь играл всех детей в театре, где работала мама. А вот первую с текстом — Сережу Каренина — отлично помню. Когда актриса Евгеньева (Анна Каренина) протягивала ко мне руки и дрожащим голосом с интонациями Аллы Константиновны Тарасовой звала: «Мальчик мой...», я заливался искренними слезами, и со мной плакал весь зал, в том числе моя собственная мама, которая обязательно там сидела.

— Ты, наверное, сразу решил стать актером?

— И не мыслил себя кем-то иным. Мама — ведущая актриса, отчим — одаренный музыкант, он заведовал музыкальной частью. И жили мы в актерском общежитии прямо в здании театра. Когда я ходил в школу, то была единственная часть суток, которую я проводил за стенами театра. Он был моим домом во всех смыслах. Мама играла спектакли, а я стоял за кулисами. Знал наизусть все ее роли, пел все ее песни. У нее, выпускницы Омской

музыкальной студии, был соловьиный, от природы поставленный голос.

В репертуаре тех лет было много испанских пьес: «День чудесных обманов», «С любовью не шутят», «Дама-невидимка»... Важной декорацией в них служила лестница, на которой проходили главные сцены, бои на шпагах и серенады. Когда на подмостках никого не было, я карабкался со ступеньки на ступеньку, любая палочка становилась моей шпагой, а платок, который мама повязывала мне под шапку, — плащом.

В это время в Москве с триумфом шел «Учитель танцев», блистал Зельдин. А я на сцене орловского Дома учителя разыгрывал в одиночку сцены из испанских пьес, не подозревая, что настанет день и я сыграю Альдемаро в Театре Армии.

— Окончив школу, ты поступил в училище имени Щепкина. Почему именно в это?

— Провинциал приехал в столицу и сдал документы в то училище, о котором раньше слышал. Чуть не лопнул от счастья, узнав, что приняли. Учился на курсе Пашенной, занимался у Игоря Ильинского, Кенигсона. Стремился взять от Москвы все. Театральная жизнь в столице била ключом: множество премьер, иностранных гастролеров. А театр МГУ! Я бегал по выставкам, не пропускал ни одного вернисажа...

— И не собирался возвращаться в Орел?

— Знаешь, нет. Хотелось работать в Москве. В Театре сатиры.

— Как же попал в Театр Советской Армии?

— Мы, студенты, «показывались», где только можно было. После одного такого показа мне сообщили, что, мол, понравился в ЦТСА и меня могут взять в труппу, если самостоятельно решу проблему прописки. Прописка у меня как у студента Щепкинского училища была; удалось продлить ее на год. 1 августа 1961 года я стал артистом ЦТСА.

Бродил по огромным залам и бесконечным коридорам гигантского здания, путался во входах и выходах. Сегодня знаю здесь каждый уголок и поворот. И этот дом тоже стал мне родным.

— Как ты начал играть в «Учителе танцев»?

— На Владимира Михайловича Зельдина я молился. Ходил на каждый его спектакль. Обычно за четверть часа до начала он уже стоял готовый за кулисами — веселый, юный, прекрасный Альдемаро. Каждый день с 10 часов утра Зельдин начинал шлифовать движения танцев — болеро или хоты. А я в детстве был рыхлым ребенком, вскормленным мамой на орловской сметане, лишь в училище занялся движением, пластикой, ох, какая оказалась трудная наука... Однажды я отважился подойти к Зельдину, робко попросил разрешения позаниматься рядом с ним. И добавил, что мечтаю хотя бы порепетировать роль Альдемаро.

— Он очень удивился?

— Нет, это я удивился — тому, что он отнесся к моим словам очень доброжелательно. После узнал, что он привык к таким просьбам: многие молодые актеры посягали на эту роль. Владимир Михайлович стал показывать мне порядок движений в танцевальных сценах. А надо сказать, что Бурмейстер, постановщик танцев в «Учителе», придумал для Альдемаро довольно сложный хореографический рисунок, рассчитанный именно на искусного Зельдина. Владимир Михайлович занимался со мной регулярно, все усложняя движения, и к концу сезона я настолько осмелел, что с благословения «законного Альдемаро» решил показаться худсовету театра.

— Как отнеслись к этому в театре?

— О, то был взрыв бомбы! «Учитель танцев» — визитная карточка театра, Зельдин — несравненный и единственный Альдемаро! И вдруг кто-то осмеливается!..

Перед худсоветом я танцевал так, как мог танцевать сам учитель танцев. Владимир Михайлович меня поддержал; члены худсовета не могли не принять это во внимание. Правда, они сказали, что актер я не романтический, а характерный. Похвалив за добрые намерения, разошлись... Меня стали занимать в других спектаклях.

— И ты смирился с тем, что не будешь Альдемаро?

— Нет! Мы с Зельдиным продолжали работать. В 1968-м был сыгран тысячный спектакль, и Зельдин заявил, что больше в этой роли на сцену не выйдет, что «Учитель танцев» должен идти с молодым исполнителем. Не видать бы мне этой роли, если бы он так не поступил. Он человек мягкий, интеллигентный, сдержанный, и вдруг в первый день гастролей в Улан-Удэ заявил дирекции, что играть Альдемаро не будет и это его последнее слово... Что поделать, на программке спектакля рядом с фамилией Зельдин карандашом вписывали: ЧЕХУНКОВ. Так назвали меня билетеры. Словом, 5 июня 1968 года я вышел на сцену как Альдемаро, а Зельдин, двадцать лет игравший эту роль, сидел в ложе и за меня болел. Считаю его поступок актерским подвигом.

— Сколько раз ты с тех пор сыграл Альдемаро?

— Девятьсот! Почти во всех городах России! Самые радостные моменты судьбы связаны с этой ролью.

— А что тебе еще дорого в творческом плане, кроме «Учителя танцев»?

— Спектакль «Солдат и Ева», в котором некогда дебютировала Лариса Голубкина. Спектакль «Душа солдата» на музыку Людмилы Лядовой. «Укрощение строптивой», где я играл Люченцо, а партнерами были Людмила Касаткина и Андрей Попов.

— Ну а что насчет кинематографа?

— Увы, кино — факт моей биографии, известный только мне. Кинозрителей я ничем не порадовал, и «роман» с кино у меня не состоялся.

— Зато состоялся с эстрадой, а с телевидением — просто пылкая любовь. Кстати, как ты попал на телевидение?

— Приглашали — приходил. Вел разовые передачи. А мою большую цикловую передачу «Артлото» назвали событием на телевидении. Сперва-то надеялись, что поведут ее Людмила Гурченко и Олег Анофриев. Но буквально перед записью передачи выяснилось, что Олег и Людмила Марковна прочно застряли где-то на киносъемках. Тогда режиссер-постановщик Евгений Гинзбург — не от хорошей жизни — вспомнил, что есть такой поющий и играющий «Учителя танцев» Чеханков, и предложил вести «Артлото». Я вместо того чтобы обрадоваться, испугался. Но не настолько, чтобы не провести за восемь лет 80 выпусков этой передачи, оставаясь ее единственным ведущим при менявшихся, но неизменно прелестных партнершах.

— «Артлото» сделало тебя жутко популярным.

— Да, стали узнавать на улицах, в метро показывали пальцами, часто за спиной звучало: «Вон пошел этот, из «Артлото»!..» На ТВ я успел за эти годы еще и переиграть множество опереточных персонажей.

— А собственно Театр оперетты тебя, такого «опереточного», не приглашал в свои спектакли?

— Увы, нет. Хотя я с наслаждением сыграл бы у них Бони в «Сильве». Но ничего, Бони я показал на ТВ. Кстати, ведя «Артлото», познакомился и подружился с молодыми тогда Геннадием Хазановым, Владимиром Винокуром и многими другими звездами эстрады.

— С Андреем Мироновым вы, кажется, дружили?

— Да. Нас познакомила его жена, Лариса Голубкина. Он часто бывал на спектаклях ЦТСА. Не всегда то были удачные постановки, и я порой чувствовал себя очень неуютно, в разговорах с Андреем робел. Но Миронов никогда не судил резко и категорично, он не мог нанести собрату-актеру душевную травму... Да, мы дружили домами, вместе отмечали семейные праздники. Я и теперь дружу с Марией Владимировной Мироновой. Могу даже прийти к ней без звонка. Очень люблю эту красивую и мудрую женщину. Легендарная судьба! Она сейчас много и интересно работает в Театре Олега Табакова. Очень ей верю!

— В других театрах бываешь? Какой спектакль ты отметил бы как лучший в столице?

— Смотрю все московские премьеры. Лучший, на мой взгляд, — вахтанговский спектакль Петра Фоменко «Без вины виноватые» с Юлией Борисовой, Людмилой Максаковой, Юрием Яковлевым. Сейчас интересно живут те театры, где лидеры — люди «живые» и талантливые: Райкин, Захаров, Волчек...

— Честно, Федя: ты не хотел бы совсем уйти на эстраду?

— Нет. Театр — моя жизнь. Сегодня в театре трудно: старый репертуар ушел, с новым проблемы. Поэтому в данный момент мне чаще удается работать на эстраде.

— И поэтому ты выступаешь как бенефициант?

— Мой бенефис в «России» — итог большой работы. То, что я могу показать, что в силах сегодня поднять творчески и физически. К бенефису приготовил большую программу, и новые песни, и песни «ретро»... Участники бенефиса — давние мои друзья. С Катей Максимовой и Володей Васильевым мы познакомились в студенческие годы: их хореографическое училище Большого и наша «Щепка» Малого были рядом. Людмила Гурченко — моя любимая актриса, не раз работали вместе в опереточных сценах на ТВ, а недавно — в Италии, где хорошо прошла на опереточном фестивале программа, автором, режиссером и ведущим которой стал я. Вел ее на итальянском языке. О том, как мы выступили, свидетельствует приглашение в Италию на следующий такой фестиваль.

Беседу вела
Галина ЗАМКОВЕЦ.

На снимках: Федор Чеханков с Людмилой Сенчиной ведут «Артлото» (1976 г.). С мамой, актрисой Валентиной Чеханковой, в детстве.

Фото из архива артиста.